

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
М29

Мартынова, Шаши

М29 Вас пригласили / Шаши Мартынова. — Москва: Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Лабиринты Макса Фрая).

ISBN 978-5-17-092972-6

Внутреннее устройство романа «Вас пригласили» — вроде матрешки: любое миропонимание в нем объято другим, много более точным.

Александр Гаврилов, основатель Института книги

Здесь даже не нужно делать маленьких допущений (что «магия существует», например) и как-либо насиловать логику — очевидно, что чудо разлито в воздухе и вполне доступно из нашего мира. И, да, хочется туда.

Марта Кетро, писатель

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-092972-6

© Шаши Мартынова, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ПРОЛОГ

— Вас приглашали?

Døgmand, судя по латунной блестяшке на лацкане, звался Лусием. «Для Лусия чересчур громоздок», — подумал Эган. Лусий опомнился и буркнул вкрадчиво:

— Добрый день.

— Добрый день. Приглашали, — отозвался Эган и протянул слегка взлохмаченную по углам полосатую картинку. Посередине в волнах полосок бултыхался таз с тремя задумчивыми матросами, обрамленный геральдической лентой с надписью «Tri Martolod». На обороте красовался неразборчивый витиеватый автограф. Лусий извлек из настенного ящика пухлую безымянную книгу, проехался пальцем по насечкам на обрезе, открыл нужный разворот и полностью на нем сосредоточился.

— Это прошлогодняя карточка, — вынес наконец глубокомысленный вердикт Лусий. — Но я сейчас все улажу.

Сумрак необъятного вестибюля мог бы поглотить существо и втрое крупнее Лусия. Некоторое время висела проникновенная тишина, а потом Лусий сгустился вновь — с новой карточкой на блюдце в мелких незабудках.

— Вас ожидают. Знаете, куда идти?

— Да-да, я не впервые.

— Простите, я новенький.

- Я вижу.
- Карточку не забудьте.
- Зачем? На следующий год будет другая.
- Так я-то, может, останусь. И узнаю вас.
- А, ну хорошо.

Они обменялись сувенирными улыбками. Эган принял карточку и взгляделся в рисунок. Буколическая ветка дерева, на ней три изумрудно-зеленых зимородка, сверху, на геральдической ленте, — «Three Little Birds». Отчего-то очень толстая в этот раз, карточка скользнула в нагрудный карман.

В щель между приоткрытой дверью и дверной рамой рвался померанцевый свет. Эган взялся за шершавую бронзу, предусмотрительно сощурился, толкнул старое дерево и шагнул через порог. Дверь флегматично захлопнулась у Эгана за спиной. Он приоткрыл глаза и осмотрелся.

Он стоял на дне ложбины между холмами, на которых, докуда хватало взгляда, плескался одичалый сад в полном цвету. Из-под ног Эгана меж кудрей кислицы убегала и довольно скоро терялась где-то справа тропинка. Закатное солнце отбрасывало точеные синие тени. Дневные птицы передавали слово ночным. Сверчки, подкручивая колки, несмело возили смычками по струнам. В замершем воздухе висел отчетливый дух смородины. Все вокруг предвещало ночь, невозможную без светляков.

Из-за узловатой груши возникла исполосованная теньями громадная фигура. У ее ног суетилась и попискивала еще одна, не крупнее зайца. Рассекая траву, они спустились к реке закатного света, и Эган разглядел косматого сивого великана лет сорока, облаченного в неразборчивый лён, и конопатого малыша, замотанного от подбородка до мосластых колен в сложную цветочную гирлянду. Первого Эган видел впервые, а вот малютку-пуку узнал сразу — этому персонажу года три-четыре тут, не меньше.

— Вам кого? — спросил великан, остановившись на расстоянии, с какого обычно разговаривают люди, рожденные и живущие на просторе.

— Это Эган! Я его знаю! — заверещала пука и в прыжке повисла у великана сзади на штанах. Тот отечески добродушно отцепил ее и пересадил себе на плечо. Пука немедленно принялась кусать его за ухо. Великан бросил обращать на нее внимание и явно вознамерился продолжить расспросы, но тут их окликнули.

— Коннер! Ну наконец-то. В следующий раз вот так отложишь визит — придешь в пустой дом, предупреждаю.

Сельма возникла невесть откуда — ожидаемо. Трава под ее босыми ногами почти не кланялась. Они обнялись. Эган вдохнул сухой солнечный ветер ее абсолютно седой макушки. Сельма сдавленно пробурчала:

— Подбери сопли.

— Не умничай.

— Есть будешь?

— Не откажусь. Веди. Я опять не понимаю, где у тебя столовая. Или кухня. Или где ты сейчас ешь.

Сельма молча схватила его за рукав и с поразительной для женщины ее возраста прытью потащила вверх по холму, петляя между полиловевших вечерних стволов. Он оглянулся. Великан и пука нагоняли их. Эган знал, что будет дальше. Почти врезавшись Сельме в спину, оба впитались в нее без остатка. Сельма, понятно, и бровью не дернула. Они поднимались все выше.

— Кто этот громила?

— Великодушие и равновесие.

— И то, и другое в одном? А чувство юмора? И почему оно так выглядит?

— Я по-прежнему не знаю, как тебе ответить. Смотри что ты увидел.

Они взобрались на зеленый гребень. Как только Эган вступил на ровное, земля вокруг них вздыбилась, свернулась в лохматый конус, потемнела, укрылась глубокими

ороговелыми морщинами, и вот уж они стояли посреди небольшой кухни с неровным овальным входом без двери. В овал все так же сияло закатное солнце и виднелись сверкавшие кварцем иззубренные края, с редкими иероглифическими соснами. В овальную раму этой картины справа степенно влетела очень крупная птица и так же неспешно сгинула за другим краем. Эган с наслаждением опустился на древний комель в углу. Тот зашевелился, бормотнул что-то вполголоса и выдвинул подлокотники.

— Удобно? — просипел комель.

— Да, спасибо, Брюс.

— Эган, ты?

— Да.

— Здрав будь. Сто лет, сто зим. Исхудал, что ли?

— Да нет, просто одет легче.

— А.

— Да ты спи, спи. Я не буду возиться.

— Возись сколько вле... — Брюс, не успев договорить, негромко захрапел.

Толстая, изрытая жизнью и воспоминаниями столешница скрылась под тарелками. Сыр, сыр, еще сыр, яблоки, груши, помидоры, орехи, яростно запахшая зелень, масло в бутылке, семечки, хлеб, жареные каштаны. Сельма подставила щербатую бурую кружку под свисавший с балок кувшин, потянула за лохматый канат, кувшин накренился, плеснул черно-красной густой жидкостью. Сельма протянула кружку Эгану:

— Давай, Коннер, чтоб как мы любим — всю ночь не спать, — и налила себе в такую же, того же, столько же.

— Ты не забудь только завершить ночь все-таки.

— Когда скажешь, тогда и рассветет.

— Тогда гаси закат.

— Уже.

Пока ужинали, кухня успела дважды измениться до неузнаваемости. Теперь они сидели в просторном качком трюме под лампой-молнией. Доски мерно поскрипывали.

Эгану чудилось, что он ощущает, как ему в спину сонно толкается забортная вода. Судно стояло на рейде, в иллюминатор маятником заглядывал недалекий маяк у створа гавани. Сельма явно желала развлекаться.

— Так ты, значит, все еще с ними разговариваешь?

— Да — мы и разговариваем, и играем. Даже, наверное, дружим. Впрочем, не уверен.

— Много новеньких?

— Как обычно. Один-два в год.

— Райва не выезжала?

— Нет.

— У тебя по-прежнему Замок?

— Да. Это ты у нас мастер пространств. У меня другая специализация.

— Ерунда. И ты это прекрасно знаешь. Тебе с людьми нравится делать и разговаривать.

— Воздержись от замечания о том, что это просто я еще молод.

— За кого ты меня принимаешь?

— В этот раз? Или вообще?

Сельма рассмеялась.

— Ладно, один-ноль в твою пользу.

— Ты когда Эрро видела последний раз?

— Давно, лет пять назад, не меньше.

— Все как обычно?

— На вид — вполне.

— Что там было? Звезды? Бухты? Висячие леса?

— Ты не поверишь — атолл мне показал.

— И как ты это трактуешь?

— Соленое кольцо окаменелой жизни в неподвижной теплой воде. Идиллия. А что?

— Тебя такие намеки не огорчают?

— Я дорожу людьми, а не их мнениями обо мне.

Помолчали.

— С другими не общаешься?

— С кем? С Торо? С Фридой? Они еще более деятельные, чем ты, для меня перебор.

— Осуждаешь?

Сельма недоуменно воззрилась на Эгана из-под белых бровей. Тот широко улыбался.

— Да ты, я смотрю, настроен валять дурака сегодня, дорогой мой.

Эган встал, прошелся по старым серым занозистым доскам, посмотрел в иллюминатор. За мысом виднелась пара домов, темно-голубых под безлунным небом. Одно окошко дышало яичным желтым.

— Кто у тебя там не спит?

— Это у тебя. Ты же смотришь, не я.

— Ну да, ну да.

Счастливно помолчали.

— Твои к тебе наведываются?

— «Мои»? — Сельма склонила голову к плечу и возвела глаза к потолку, словно вспоминая. — А, ну да! Мои.

— Клоун ты.

— Я — да. Если находят — заглядывают. Я же ничего не делаю, Коннер. Сижу себе дома. Кому правда надо, те находят. Мы же не будем спорить, чей метод лучше, м?

Эган нахмурился, прояснился, ответил:

— Нет, не будем, конечно. Сколько можно?

Сельма встала, прихватила свою чашку — теперь полупрозрачную сиреневую — со стола, взяла Эгана за локоть и повела к трапу.

— Давай выйдем, подышим осенью.

Выбравшись наверх, они оказались на подвесном мосту над оврагом, в котором со многими паузами шелестели прямо под ними клены. Над деревьями повисла розоватая ущербная луна. Сельма села на полотно, свесила ноги, похлопала тылом ладони рядом с собой.

— Садись. Покачаемся.

Слева и справа на краях оврага зажглось по фонарю, и со всех сторон запылал октябрь. Сельма шумно втянула воздух, задержала дыхание, вытряхнула его из себя со смешком.

- Нравится?
- Очень. Я так не умею.
- Это не комплимент.
- Я и не пытался.
- Тогда ладно.

Ровный концерт листвы грубо нарушила немелодичная возня, пыхтение и сдавленные проклятья в кустах.

- Пука?
- Ага.

На правом конце моста нарисовалась детская фигура в ночнушке и, косолапя, поскакала к ним. Вскарабкавшись Эгану на грудь, слюняво поцеловала его в обе щеки, оттуда сиганула к Сельме на колени, там немедленно свернулась калачиком и засопела. Эган предупредительно заговорил тише:

- Мне иногда хочется, как ты.

Сельма — вдвое громче:

— Да она спит как убитая, не обращай внимания. — В доказательство она подергала пуку за волосатое ухо. Та даже не пикнула. — «Как я» — не надо. Мне нравится, как ты. А тебе нравится, как я, потому что для этого есть я. Когда сам — это другое. Флейту слушать любишь?

- Скорее да.
- Сам играешь?
- Немного.
- В виртуозы рвешься?
- Нет.
- Вот видишь. Дыши хорошенько — и смотри внимательно.

Эган не знал, куда и на что именно смотреть, но все равно уставился в сумрак. Чуть погодя понял. Над оврагом гладкой изогнутой линией беззвучно летели две белоснежные сипухи. Луна глазурировала их серебром. Казалось, что все вокруг поплыло вместе с ними. Промчавшись над мостом, они растворились, будто не было.

- Спасибо, Сельма.
- Ах, право слово, какие мелочи.

Часть I

Ирма Трор

СУЛЛАЭ ФАЭТАР

Перевод Саши Збарской

Эта повесть есть некоторая переработка моих дневниковых записей, сумбурных, полуобморочных, не всегда связных и осмысленных для внешнего читателя. Никакого складного текста изначально не существовало, он создан уже после того, как я уехала надолго. И сама история, и приведение этих записей в порядок случились очень давно, мне кажется, и я столько раз возвращалась к ним, что уже не могу доподлинно сказать, что́ в них достоверные воспоминания, а что́ — лишь память о них.

Ирма Трор

ГЛАВА 1

Рид милосердный, вот это гроза!

За пару аэна* до этого — или три? или сколько? — я, кучер и две девчонки-служанки, благополучно проскочив навывлет где-то рядом с сердцем бури, едва уцелели в повозке, завалившейся на полном ходу. Для меня до сих пор загадка, что же так напугало смирных неповоротливых лошадей — гром рокотал уже в отдалении, и молний между дубовых крон было почти не видать. Так или иначе, наши лошадки понесли по раскисшей осенней глине, и уже через несколько диких мгновений вырвались из упряжи, а покореженную повозку бросило боком на сырые стволы деревьев.

Какое-то время ничто не достигало моего слуха, а затем шорохи и шелесты вернулись: стало слышно скучный частый дождь и смутное бормотание леса, да еще стонал бедняга-возница — его порядком придавило; потом выяснилось, что голень сломана.

Очень скоро дождь нас выполоскал напрочь. До имения герцога Колана, друга родителей, никак не меньше пятнадцати миль. Служанки выбрались наружу и теперь жались друг к дружке да глядели на меня, как две мокрые птицы;

* Аэна (*ферн., нескл.*) — примерно 250 мгновений ока, то есть около часа. — *Здесь и далее прим. переводчика.*